

ЛЕОНИД

МЛЕЧИН

СТАЛЬНОЙ
ОРАТОР,
ДРЕМЛЮЩИЙ
В КОБУРЕ

ЧТО ПРОИСХОДИЛО
В РОССИИ
В 1917 ГОДУ

Леонид Млечин

**Стальной оратор, дремлющий
в кобуре. Что происходило
в России в 1917 году**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)524

Млечин Л. М.

Стальной оратор, дремлющий в кобуре. Что происходило в России в 1917 году / Л. М. Млечин — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07598-7

Вот уже столетие мы пытаемся понять, почему произошла Великая русская революция. Предательство? Заговор? Влияние темных сил? Чужие деньги? Был ли Ленин немецким шпионом, а Троцкий — американским? И почему император Николай II сразу не подавил восстание, не расстрелял бунтовщиков, вышедших на улицы Петрограда? Как ни странно это звучит, но глубинные причины, пружины и весь ход революции остаются непонятными и не понятыми. В своей новой книге Л. Млечин рассказывает о том, как развивались события 1917 года, изменившего судьбу России, — от убийства Григория Распутина до разгона Учредительного собрания, рисует портреты ключевых фигур русской революции, которые предстают в новом свете. И отвечает на главный вопрос: отчего, перепробовав от Февраля до Октября все варианты политического устройства, Россия сделала выбор в пользу правления несравнимо более жесткого, чем царский режим? И отказалась от всего, чего страна добилась в начале XX века.

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-227-07598-7

© Млечин Л. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	5
1916	8
Декабрь. Убийство Распутина	8
1917	11
Январь. В Петрограде неспокойно	11
Сюрприз для Ленина	11
Свержение императора	13
Невидимые миру слезы	16
Кругом одни шпионы	19
Февраль. Военный переворот	23
Глупость или измена?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Млечин

Стальной оратор, дремлющий в кобуре.

Что происходило в России в 1917 году

От автора

1917 год, от которого мы отсчитываем современную историю нашего государства, во многом остается загадкой. Особенно Февраль. Никто не мог предположить, что империя рухнет всего за неделю и трехсотлетняя династия Романовых лишится права управлять Россией.

Вот уже целое столетие мы пытаемся разобраться: почему все-таки произошла Великая русская революция? Вопрос занимает не только историков. Мы и сегодня живем наследием революции. И не собираемся от него отказываться. Так что же происходило в те месяцы в Петрограде? Как ни странно это звучит, но глубинные причины, пружины и весь ход революции остаются непонятными и непонятыми.

Долгое время мы удовлетворялись привычными объяснениями советской историографии: созрела революционная ситуация, самодержавие себя исчерпало, верхи не могут, низы не хотят... Потом во всем стали видеть заговоры, влияние темных сил и чужих денег. Правда, перечень темных сил меняется – в зависимости от исторической конъюнктуры. Первоначально винили германский Генштаб, потом обнаружили британский след, а теперь нащупали американскую руку.

Настало все-таки время серьезного, глубокого и спокойного анализа. Хотя трудно остаться беспристрастным, когда речь идет о драмах и трагедиях такого масштаба. В XX век Россия вступила куда более уверенной в себе, чем она начала век XXI. Сто лет назад наша страна нисколько не сомневалась в своих силах. Без России на континенте не решалась ни одна крупная проблема. Империя обладала мощными союзниками и намеревалась раздвинуть свои границы. Правда, именно эти союзники и тяга к территориальным приобретениям вовлекли страну в 1914 году в Первую мировую войну, которая и привела к революции и Гражданской войне.

Так что же, революция была неизбежной? Или же, сложись обстоятельства иначе – если бы Николай II не уехал 22 февраля 1917 года из столицы, если бы министр внутренних дел Протопопов оказался расторопнее, а командующий Петроградским округом генерал Хабалов решительнее, если бы император не отрекся от престола, – монархия бы не рухнула и Российская империя сохранилась?

И вообще, можно ли проанализировать панораму ошеломляющих воображение событий семнадцатого года, разложить революцию по полочкам? Или это ситуация, когда иррациональное берет верх над рациональным? Всегда можно найти объективные предпосылки. Но они существовали и вчера и позавчера. А революция произошла сегодня...

Отчего праздник Февраля так быстро сменился разочарованием? И Россию охватили хаос и анархия? Что помешало нашей стране использовать возможности, которые открылись после Февраля? Почему потерпели поражение те, кто взял власть после отречения императора, а хозяевами страны в Октябре стали большевики во главе с Лениным?

Вот уже целое столетие во всем происшедшем винят политическую и интеллектуальную элиту, а она, не отрицая собственной вины, напоминает и об ответственности народа. И в этой книге тоже цитируются горькие и даже злые слова, произнесенные выдающимися русскими мыслителями.

Видный политик, депутат Государственной думы Василий Шульгин, чье имя не раз возникнет на этих страницах, восклицал: «Пулеметов – вот чего мне хотелось! Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя. Увы – этот зверь был его величество русский народ».

И это слова пламенного русского националиста, глубоко преданного монархии, не любившего либералов и инородцев! Столь же резко выражались тогда и Максим Горький, и Иван Бунин... Что за этими словами? Только ли обида и разочарование?

Когда речь идет о 1917-м, внимание историков сосредоточено на ключевых игроках, политиках и генералах. А судьбу страны решали народные массы. Возможно, впервые в истории судьба страны всецело зависела от воли народа. Мировая война и революция высвободили качества, черты личности, незаметные в обычной жизни. Революции, как правило, выносят на поверхность худших персонажей, которые не могут реализоваться в нормальной жизни. Толпа, освобожденная революцией от сдерживающих центров, приобрела звериный облик. Не боялась насилия, не боялась пролить кровь. Ожесточение и цинизм, хаос и всеобщее ослепление выпустили на волю самые мерзкие человеческие инстинкты.

– Почему не получилось у блестящего интеллектуального коллектива после Февраля решить проблемы России? – задается вопросом профессор, доктор исторических наук Татьяна Черникова, специалист по русскому Средневековью. – Задача была гораздо шире, чем дать России гражданские и политические права, парламент и разделение властей. Нужна была культурная, ментальная реформа, чтобы создать социальную опору для правового государства, которого не было тогда и нет сейчас. Но в России, с одной стороны, просвещенное меньшинство, с другой – массы с практически средневековым мышлением. А средневековое общество не понимает тех категорий, которые предлагают либералы! Что такое свобода? Свобода в современном обществе – сложное понятие сдержек и противовесов, прав и обязанностей. А к чему тогда стремились? К воле! Воля – это желание быть независимым от всего: от общества, от законов, от морали.

Если народ не получает того, чего он желает, недавние кумиры моментально превращаются во врагов. Для средневекового мышления характерна простая манихейская конструкция, где существуют два полюса: правда или неправда, добро или зло. Когда происходит потрясение, полюса непредсказуемо меняются. Еще вчера император – бог на земле. Николай II ездит с иконой, армия бросается перед ним на колени. Те же самые солдаты в феврале 1917 года восторженно приветствуют падение монархии. Потому, что Николай мгновенно превратился в лежачего. Они же поверили в революцию, в то, что им говорит новая власть!

Тема существующих параллельно «двух России» – европеизированной, желавшей модернизации, и традиционной, опасливо относившейся к переменам и сопротивлявшейся обновлению, – часто возникает в рассуждениях о революции. Но и политическая элита внесла свою лепту в крушение империи, потому что ее безумно раздражали устаревшие атрибуты царской власти.

А традиционная Россия менялась! Купцы и фабриканты не отставали от своих европейских партнеров. Крестьяне, получившие землю благодаря столыпинским реформам, превращались в самостоятельных фермеров. Стали высоко цениться квалифицированные рабочие. Но и самые успешные новые горожане страдали от напряжения новой жизни. От постоянно ускоряющегося городского ритма. От тягот мировой войны...

Нужно почувствовать революционную эпоху, чтобы понять, почему в семнадцатом году, перепробовав за несколько месяцев от Февраля до Октября все варианты политического устройства, Россия сделала выбор в пользу правления несравнимо более жесткого, чем царский режим. Отказалась от всего, чего страна добилась в начале XX века!

Политиков сменили боевики. И вместо тех, кто пытался вступать в диалог, договариваться, находить компромисс и двигать страну вперед, появился, пользуясь гениальной метафорой Владимира Владимировича Маяковского, «стальной оратор, дремлющий в кобуре». Оратор проснулся и заговорил.

1916

Декабрь. Убийство Распутина

Ночной выстрел в дворце князей Юсуповых стал первым выстрелом революции семнадцатого года.

Убийцы продумали все до мелочей. Им бы удалось избежать наказания. Но в ту ночь на углу Прачечного и Максимилиановского переулков нес службу городской 3-го участка Казанской части Петербурга Степан Власюк. Около четырех ночи он услышал несколько выстрелов. Не мог понять, где стреляли. Городовой Флор Ефимов, который дежурил на Морской улице около дома № 61, уточнил:

– Стреляли на вашей стороне.

Власюк пошел к дворнику дома № 92 на Мойке. Тот сказал, что ничего не слышал. Городовой увидел во дворе хозяина дворца – князя Феликса Юсупова и его дворецкого. Они тоже уверенно отвечали, что выстрелов не слышали. А минут через пятнадцать городского позвали в дом. Там известный в городе человек – депутат Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич сказал ему:

– Распутин мертв, а ты, если любишь царя и родину, должен молчать.

Но городской, как положено честному служаке, доложил начальству. Полицейские обнаружили кровь на ступеньках лестницы, ведущей в подвал. Князь Юсупов как ни в чем не бывало уверял, что не видел Распутина. Сказал, что ночью у него были гости, дамы, имена которых он по понятным причинам назвать не может. А кровь – бродячей собаки, которую кто-то пристрелил.

Полиция князю не поверила. Но если Распутина убили, как признался депутат Пуришкевич, то где же тело?

В тот же день один рабочий, проходя по Петровскому мосту, увидел следы крови на парапете. Кровь обнаружилась и внизу, на устоях моста. Выходит, тело утопили. Морозы были сильные, река покрылась льдом, как его достать? Начальник Департамента полиции обратился к портовым властям, те прислали водолаза, и он вытащил тело из-под льда.

«Руки и ноги связаны веревками, – записал начальник Департамента полиции. – Кроме того, убийцы из предосторожности прикрепили цепь, чтобы удержать тело под водой. Осмотр показал, что у убитого множество ранений от пуль и ударов ножом».

Это был Григорий Ефимович Распутин, смерть которого стала страшным ударом для царской семьи. От этого удара императрица не оправилась. Ведь речь шла о судьбе ее сына.

Тобольскому крестьянину Распутину приписывают особую роль в судьбе последнего императора и его семьи, в истории династии Романовых, да и всей России. Убили Распутина, рухнула монархия...

Григорий Ефимович Распутин был, говоря современным языком, мастером пиара и самопиара! Он так убедительно рассказывал о том, как вершит судьбой России, что ему поверили и за это убили. Французский посол в России Морис Палеолог, считавший себя осведомленным человеком, был уверен: «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным».

Но ничего из того, что он рассказывал о себе и что о нем говорили другие, не было! Принято переоценивать сексуальные возможности Распутина – «с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой». Таким он вошел в мировую литературу и кинематограф. Рассказы о Распутине передавались из уст в уста и очень нравились. Ему приписывают «грубую чувствен-

ность, животное, звериное сладострастие», а также страсть к «ничем не ограниченным половым излишества». Похоже, все, что стало сюжетом занимательных боевиков, – выдумка и к реальности отношения не имеет.

Директор Департамента полиции Алексей Тихонович Васильев рассказывал, что после смерти Распутина «я поручил провести обыск его квартиры и сразу же изъять все компрометирующие материалы... Но никакой компрометирующей Распутина корреспонденции, никаких писем к нему от царицы не было. Я также провел расследование, чтобы узнать, не хранил ли Распутин такие документы, а также деньги или драгоценности в банке. И это был миф».

Так что же связывало тобольского крестьянина с императорской семьей?

Императрица родила четырех дочерей. А от нее требовали наследника, будто родить мальчика зависело только от ее желания. 30 июля 1904 года, в разгар Русско-японской войны, императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном. Но родительское счастье оказалось недолгим.

Наследник русского престола был неизлечимо болен. Гемофилия – наследственное заболевание. Генный дефект мешает крови свертываться. Любая травма вела к кровотечению, которое не удавалось остановить. За одну ночь император состарился на десять лет. Болезнь цесаревича Алексея изменила судьбу России в XX столетии. Императорская семья замкнулась в своем кругу. Все мысли – о больном мальчике. Не до развлечений, ни до чего! Каждый приступ мог стать роковым. Юный Алексей находился между жизнью и смертью.

Императрица не пожелала покориться судьбе. Понять отношение императрицы к Распутину можно только через призму ее глубокой набожности.

«Она долгие часы простаивала на коленях на молитве, – рассказывал заместитель министра внутренних дел Владимир Иосифович Гурко, – прониклась глубокой верой в почитаемых православной церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, это самое главное, проникается верой в божьих людей – отшельников, схимников, юродивых и прорицателей».

Она была мистиком, это позволяло надеяться на чудо. И оно явилось в облике Григория Распутина. Его привел во дворец духовник императорской семьи ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Феофан, восторгавшийся Распутиным:

– Есть еще Божьи люди на свете. Вот ими-то и держится еще святая Русь.

Несколько раз Распутин приходил, когда цесаревич Алексей страдал от невыносимой боли, и необъяснимым образом мальчику становилось легче. Едва ли Григорию Ефимовичу под силу было остановить кровотечение. Скорее его появление удачно совпадало с окончанием очередного приступа. Но снять у мальчика напряжение и страх, помочь его родителям хотя бы ненадолго расслабиться и обрести успокоение он точно мог. Что же удивляться, если за семейным столом наследник престола спросил отца:

– Правда ли, что Григорий Ефимович – святой человек?

Несчастливая мать уцепилась за надежду, которую подавал Распутин, как утопающий хватается за протянутую ему руку...

Кто такой Распутин? Вот вопрос, на который ответа ищут уже добрых сто лет. Старец, наделенный чудодейственной силой? Юродивый – из тех, кто так почитался на Руси? Чудотворец, способный спасти от неизлечимой болезни? Или же талантливый авантюрист и пройдоха, водивший за нос пол-Петербурга?

Над Николаем и Александрой издеваются вот уже столетие: как же они могли поверить простому мужику? Но такова была традиция в императорской семье – больше верили странникам, подвижникам, святым старцам, а не официальной церкви. К тому же Распутин был из деревни, простой человек из «настоящей России», что имело значение при дворе.

Но общество оскорбилось близостью тобольского мужика к престолу. В петроградских салонах заговорили о любовном треугольнике – Николай, Александра и Григорий. На Распу-

тина накинута решительно все! Одни за то, что он компрометирует монархию, другие за то, что он ей помогает. Высший свет жил интригами и улаживал личные делишки.

Приехавший в Петроград из Ставки Верховного главнокомандования чиновник явился в свое министерство и поразился полнейшему безделью сановников – в разгар войны: «В комнате смежной с кабинетом министра я увидел целую «звездную палату» высших чиновников министерства в парадной форме с лентами, звездами и орденами, ожидавших приема министра. Они сидели в креслах и терпеливо ждали возможности принести свои поздравления министру по случаю Нового года. Было девять часов утра, мне объяснили, что у министра в данное время сидит профессор медицины. Ждали мы долго, пробило одиннадцать, потом двенадцать, лишь в час распахнулась дверь и показался сияющий любезностью и приветливостью министр. Он пригласил всех к завтраку. После завтрака министр пожал руки знатным гостям, еще раз поздравил их с полученными наградами и с Новым годом».

Григорий Ефимович словно притягивал к себе скандалы, реальные и придуманные. Ему предъявлен большой исторический счет: с подачи Распутина император назначал министров и тем самым погубил страну. Обвиняли его в том, что, пользуясь близостью к самодержцу, он навязывал Николаю губительные для России советы, проталкивал на высшие посты никуда не годных чиновников.

В реальности, попав в столицу, Распутин вел себя весьма здраво. Среди его советов, в большинстве случаев азбучных и наивных, не было ни одного, в котором можно усмотреть что-либо мало-мальски вредное для России. Просто были люди, которые завидовали положению Распутина у трона, были те, кто использовал его в своих политических целях, и те, кто его ненавидел. Рассказы о Распутине использовали как кувалду для ударов по монарху.

И Распутина убили. Сделали это люди, которые вообще-то должны были заботиться о троне, – великий князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат Николая II, князь Феликс Юсупов, женатый на племяннице царя, и монархист Пуришкевич.

– Неужели у вас не бывает угрызений совести? – спросили князя Юсупова. – Ведь вы все-таки человека убили?

– Никогда, – ответил князь Юсупов с улыбкой, – я убил собаку.

Общество одобрило уничтожение Григория Распутина.

Критик Николай Николаевич Пунин, работавший в Русском музее, после смерти Распутина пришел на концерт пианиста и дирижера Александра Ильича Зилоти (двоюродного брата композитора Сергея Васильевича Рахманинова) в Мариинский театр: «Имя Распутина не сходило с губ. После антракта парой смельчаков был потребован гимн; толпа поддержала, театр гремел, настаивая на гимне. Гимн сыграли».

В Ставке генералы поздравляли друг друга, как на Пасху. Неподдельная радость означала своего рода выдачу лицензии на убийство. Смерть Распутина открыла серию политических убийств, что очень быстро закончится всероссийским кровопролитием и расстрелом царской семьи.

1917

Январь. В Петрограде неспокойно

Движущие пружины ключевых событий – не заговоры, не расчеты, не далекоидущие замыслы, а страсти и эмоции, страх и паника. Оттого охранка, полиция, жандармы, все спецслужбы империи не смогли ее спасти.

Сюрприз для Ленина

В начале 1916 года покинувшие Россию после первой революции политические эмигранты Владимир Ильич Ульянов-Ленин и его жена Надежда Константиновна Крупская приехали в Цюрих. 21 февраля сняли комнату на третьем этаже пятиэтажного дома по Шпигельгассе, 14. Памятная табличка напоминает теперь о том, что здесь больше года прожил «вождь русской революции».

Цюрих им нравился. Напротив их квартиры когда-то жил великий немецкий поэт Гёте. Но денег не хватало. Владимир Ильич жаловался оставшемуся в России товарищу по партии Александру Шляпникову: «Заработок нужен. Иначе прямо околевать, ей-ей! Дороговизна дьявольская, а жить нечем».

В начале 1917 года Ленин писал сестре: «Дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая». Меньше всего вождь большевиков ожидал в те дни революции в России. Он вступил в швейцарскую социал-демократическую партию и намеревался активно участвовать в местной политике. Вокруг него группировались крайне левые. В январе 1917 года Ленин беседовал с молодыми швейцарскими социал-демократами в Цюрихе. Говорил по-немецки. Вот перевод его слов:

– Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, будет иметь счастье не только бороться, но и победит в грядущей пролетарской революции.

А через несколько недель монархия и империя рухнули. И это была революция без революционеров. Как все это произошло?

В августе 1906 года террористы взорвали дачу председателя Совета министров Петра Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. Пострадало больше ста человек, ожидавших приема, была тяжело ранена его дочь.

Столыпин многим нравится твердостью, граничащей с жестокостью. Но ее не надо переоценивать. Историческая заслуга Столыпина – аграрная реформа. Крестьянин перестанет бунтовать и накормит страну, считал он, если получит в собственность землю и право ею распоряжаться.

С чего он начал? Убедил императора подписать 5 октября 1906 года указ, который дал крестьянину личную свободу, разрешил беспрепятственно получать паспорт. Хочешь – оставайся в деревне, хочешь – ищи работу в городе, где быстрыми темпами развивалась промышленность и была нужда в рабочих руках. Указ запретил сажать крестьян под арест или штрафовать – только через суд. Столыпин на деле создавал правовое государство. Советская власть заберет назад все права, данные тогда крестьянину, лишит паспортов и будет сажать без суда...

Для успеха страны, считал Столыпин, нужны личная свобода и экономическая независимость. Но ничего не давать даром! Не воспитывать иждивенчество. Возражал против идеи социалистов – отобрать землю у тех, кто ею владеет, и раздать бесплатно:

– Если признавать возможность отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему это приведет... Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены.

Столыпин как в воду глядел! После революции большевики забрали землю у крупных владельцев, и это стало началом полного беззакония. А в конце концов лишили права на землю самих крестьян, загнав их в колхозы, и отбили желание работать.

Первая русская революция 1905–1907 годов, начавшаяся вспышкой недовольства на фоне неудачной войны с Японией, пошла стране на пользу. Ее результатом стал исторический компромисс между обществом и дворцом: общество отказалось от радикальных лозунгов, власть поступилась привилегиями. Под влиянием советской историографии мы недооценивали эти перемены – и самого императора.

«Провозглашены демократические свободы, – отмечают историки, – фактически отменена цензура, разрешены независимые профсоюзы, появились легальные политические партии, начало формироваться гражданское общество, которое имело право и хотело участвовать в политической жизни страны, к лучшему изменилось положение рабочих и крестьян. Все шло к тому, что власть постепенно будет переходить к парламенту».

Если бы Николай Александрович Романов родился в среде простых смертных, то прожил бы жизнь полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими, писал один из его близких родственников. Если бы Николай II дал волю своим естественным склонностям, то, вероятно, предпочел бы заниматься цветоводством, а царские обязанности переложил на другие плечи...

Как характерно это отношение к последнему императору! Свысока, с откровенной издевкой. На самом деле Николай любил армию, спорт, автомобили. Отец, Александр III, назначил его командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Произвести в генералы не успел. Николай, став императором, не считал возможным сделать себя генералом, остался полковником.

На свое царское служение Николай II смотрел как на тяжкий крест. В его устах слова «наша матушка Россия» не были пустым звуком. Император добровольно отказался от многих полномочий и прерогатив, фактически – от самодержавия. После октября 1905 года страна, по существу, конституционная монархия.

6 мая 1906 года император утвердил новую редакцию «Основных государственных законов Российской империи», составленную в соответствии с манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 30 октября 1905 года. Впервые в России были закреплены гражданские права и свободы (неприкосновенность личности и имущества, свобода веры). Старая Россия не знала телефонного права – и не потому, что телефонных аппаратов было маловато, а потому, что даже император не мог нарушить закон и влиять на суд.

И свои законодательные полномочия он разделил с Государственной думой и Государственным советом (что-то вроде нынешнего Совета Федерации). Император определял состав правительства. Но бюджет и законы принимала Государственная дума. Формировалась демократическая система разделения властей. Появилась публичная политика. В Государственную думу избиралось достаточно оппозиционеров, в том числе радикально настроенных. Правительству приходилось убеждать депутатов в своей правоте. Удавалось отнюдь не всегда. Дума и Государственный совет проваливали правительственные законопроекты...

Император приехал в Тифлис. Одна дама спросила его, когда в городе откроют политехникум. Император объяснил:

– Когда это дело пройдет через законодательные учреждения.

Она осталась недовольна:

– Какие там законодательные учреждения! Должно быть иначе: прикажет государь – и будет.

А он-то хотел действовать по закону.

Императорские реформы погасили существовавшее в обществе недовольство. Радикальные социалисты уехали за границу. Или занялись устройством личной жизни. Новой революции никто не ждал, хотя наступивших перемен общество не оценило по достоинству. У многих осталось ощущение незавершенности начатого дела.

21 февраля 1913 года с невероятной пышностью отмечалось 300-летие царствования дома Романовых. «День празднования, – записал в дневнике император Николай II, – был светлый и совсем весенний. Настроение было радостное».

Торжественные литургии и молебны, на которых читалась специально составленная молитва, начинавшаяся словами «Крепость давая царем нашим Господи», парады, балы у губернаторов и градоначальников, благодарственные слова императорскому дому... Казалось, ничто не помешает в 2013 году с еще большим блеском отметить 400-летие династии.

Великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая II, вспоминал: «Иностранец, который посетил бы Санкт-Петербург, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров. В «Европейской» гостинице чернокожий бармен, нанятый в Кентукки, на сцене Михайловского театра актрисы-парижанки, величественная архитектура Зимнего дворца – воплощение гения итальянских зодчих, белые ночи, в дымке которых длинноволосые студенты спорили с краснощеками барышнями о премимуществах германской философии».

В советские времена принято было считать дореволюционную Россию безнадежно отсталым государством, которое Ленин вывел на столбовую дорогу развития. Современные исследования опровергают это заблуждение. Российская экономика была на подъеме. При Николае II страна стремительно менялась – модернизировалась, как принято сейчас говорить.

Темпы экономических и социальных перемен сравнимы с европейскими, хотя отставали от американских. Рост национального дохода – как в Германии и Швеции. Наша страна была крупнейшим экспортером зерновых. При большевиках страна с трудом будет кормить собственное население, затем начнет и закупать зерно за границей. Замена рыночной экономики планово-административной станет губительной. Как выразился один публицист, «Столыпин готовил для русских крестьян экономическую будущность американских фермеров, а злая мачеха-история принесла им колхозное рабство».

Сегодня как никогда ясно, что потеряно в результате революции, Гражданской войны, ленинских экспериментов... И сколько десятков миллионов людей остались бы живы! Население страны в 1900 году составило 128 миллионов человек, в 1908-м – 160 миллионов. По прогнозам, в 1920 году в России должно было жить 200 миллионов. А сколько было бы сейчас!..

Свержение императора

К последнему русскому императору принято относиться с презрением. Но при Верховном главнокомандующем Николае II немцы не только что до Москвы и Питера, но и до Киева и Минска не дошли! Кто-то скажет – да в Первую мировую не те темпы наступления. Но к Парижу немцы в 1914-м прорвались столь же стремительно, как и в 1940-м!

Уинстон Черчилль писал после Первой мировой войны: «Царский строй принято считать прогнившей, ни на что не годной тиранией. Но анализ тридцати месяцев войны с Германией и Австрией опровергает эти легковесные представления. Самоотверженный порыв русских армий, спасших Париж в 1914 году, преодоление мучительного отступления, медленное восстановление сил, Брусиловские победы, вступление российской армии в кампанию 1917 года непобедимой и более сильной, чем когда-либо... Разве во всем этом нет заслуги Николая II? Он решил войну в пользу России».

Первая мировая война затянулась, но император Николай II нисколько не сомневался в победе России и ее союзников по Антанте над державами Четверного союза – Германией, Австро-Венгрией, Османской империей и Болгарией. Уверенно говорил в январе 1917 года:

– В военном отношении мы сильнее, чем когда-либо. Скоро, весною, будет новое наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения в стране.

Если бы императора не свергли, он бы вошел в русскую историю как победитель в мировой войне!

Его генералы тоже понимали, что Первая мировая будет выиграна.

Обеспечение вооруженных сил всем необходимым оказалось для страны труднейшей задачей. Государственного аппарата оказалось недостаточно для обеспечения вооруженных сил. На помощь пришел частный капитал.

I съезд представителей промышленности и торговли собрался еще в 1906 году, чтобы представлять интересы нового класса. 25–27 июня 1915 года в Москве проходил IX торгово-промышленный съезд. Приехал с фронта промышленник Павел Павлович Рябушинский и предложил мобилизовать усилия частного капитала для помощи фронту, где не хватает артиллерии. Рябушинский – председатель Московского биржевого комитета, организатор партии прогрессистов. Создали Центральный военно-промышленный комитет. Главноуполномоченным избрали Александра Ивановича Гучкова.

Страна быстро нарастила производство оружия: к 1916 году винтовок войска получили в четыре раза больше, чем до войны, пулеметов в тринадцать раз, артиллерийских орудий в десять раз, снарядов – в тридцать (см.: Российская история. 2014. № 5).

Но зачем генералам делить победу с императором?

Неудачи 1915 года заставили императора сместить с поста главнокомандующего собственного дядю великого князя Николая Николаевича. Императрица в своем кругу объясняла, почему с ним расстались: «Дальше терпеть было невозможно. Ники (то есть Николай II. – *Авт.*) ничего не знал, что делается на войне: великий князь ему ничего не писал, не говорил. Со всех сторон рвали у Ники власть».

Император принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, хотя многие министры считали это опасным шагом. Член Государственного совета и министр земледелия Александр Васильевич Кривошеин скептически заметил:

– Народ еще со времен Ходынки и Японской кампании считает его царем несчастливым и незадачливым.

На самом деле, полагают историки, причина недовольства была иной: политический истеблишмент боялся укрепления власти императора!

Новые люди в Ставке изменили ситуацию на фронте. Летом 1916 года Юго-Западный фронт начал успешную операцию, которая позволила нанести серьезный удар по австрийским войскам. Операцию стали именовать Брусиловским прорывом, потому что на посту командующего фронтом генерала Николая Иудовича Иванова сменил генерал Алексей Алексеевич Брусилов. На Кавказском фронте, которым умело командовал генерал Николай Николаевич Юденич, русские войска взяли города Эрзурум и Трапезунд.

В 1916 году Россия согласилась еще и напрямую помочь изнемогающей Франции. Из Парижа прибыли министр юстиции Рене Вивиани и министр вооружений Альбер Тома. Император откликнулся на просьбу Парижа компенсировать потери французских войск. 28 апреля в Могилеве подписали соглашение об отправке во Францию 40 тысяч русских солдат – четыре бригады. Среди тех, кого послали воевать на Западный фронт Первой мировой, был будущий министр обороны СССР маршал Родион Яковлевич Малиновский.

Почему же возникло ощущение неудачи, поражения?

Может, потому, что в царском правительстве не было ни Министерства информации, ни пропаганды? Историки отмечают: власть не умела ни обрадовать население победами, ни растолковать причины неудач.

«Запрет упоминать фамилии военачальников привел к тому, что война не создала ни одного народного героя, – писал Владимир Гурко, член Государственного совета, брат генерала и сын генерал-фельдмаршала. – Народ нуждается в идолах – это создает веру в свою мощь и в свой успех. Скажут, война не выдвинула героев. Но ведь героев всегда создать можно. Не замалчивать имена военачальников, а, наоборот, всячески их расшуметь. Екатерина это так же хорошо понимала, как и Наполеон. Разве все екатерининские орлы и наполеоновские маршалы были исключительными людьми? Но одно их прославление создало атмосферу героизма и пафоса».

Первая мировая прервала нормальное течение жизни. Когда объявили мобилизацию, императорским указом от 18 июля 1914 года запретили продажу крепких напитков и спирта везде, кроме ресторанов первого разряда, клубов и аптек. А на близком расстоянии от призывных участков и железных дорог запрещали все – в том числе продажу вина и пива. Сухой закон вызвал настоящие бунты, потому что мобилизованные в армию не могли устроить положенные проводы. Будущие солдаты в поисках спиртного громили магазины и склады и проклинали власть.

Дело было не во внезапно охватившей новобранцев жажде. Спиртное помогало снять невероятное напряжение, связанное с ожиданием войны. Эмоции захлестывали, люди теряли контроль над собой.

Имелось в виду, что продажу спиртного вновь разрешат в сентябре. Но император заявил, что твердо намерен не возобновлять торговлю водкой. Сухой закон привел к сокращению преступности (практически вдвое), пожаров (на треть).

Крестьяне продавали зерно армии, а заработанные деньги не тратили на водку, поэтому их рацион заметно улучшился. Выросли зарплаты квалифицированных рабочих (см.: Российская история. 2014. № 5). Но потеря доходов от продажи алкоголя ударила по казне. Цены подскочили чуть ли не в пять раз. Так или иначе страдали все – от высших классов до низших. Политический истеблишмент вину за все неудачи – на фронтах и в тылу, в том числе собственные, рожденные нераспорядительностью и неумелостью, переваливал на Николая.

Через несколько дней после убийства Распутина, в конце 1916 года, один из лидеров оппозиции князь Георгий Евгеньевич Львов сел писать речь, обращенную к единомышленникам:

– То, что еще недавно мы говорили шепотом на ухо, стало теперь общим криком всего народа и перешло уже на улицу... Когда власть становится совершенно чуждой интересам народа, надо принимать ответственность на самих себя... Мы взываем к Государственной думе: оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью. Не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от призраков! Власти – нет!

Князь Георгий Львов после Февральской революции станет первым председателем Временного правительства.

В Германии в Первую мировую кайзер Вильгельм II утратил власть над страной. Все решало военное командование. Начальник Генерального штаба генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург и первый генерал-квартирмейстер (начальник оперативного управления) генерал Эрих фон Людендорф стали влиятельнее кайзера. Гинденбург и Людендорф, которые вдвоем руководили боевыми действиями, фактически установили военную диктатуру. Власть кайзера была символической. Он находился в Ставке Верховного главнокомандования. Но в управление войсками не вмешивался. А российские генералы принуждены были подчиняться Николаю. И решили избавиться от императора.

Александр Александрович Лодыженский служил в Ставке начальником канцелярии гражданского управления. В пять вечера он докладывал срочные дела начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Михаилу Васильевичу Алексееву. Генерал пил чай и приглашал присоединиться.

Однажды Лодыженский выяснил, что в Галиции, в Карпатах стоит Белокрининский монастырь. Начальник галицийских железных дорог купил у монахов принадлежавший им лес. Но платить не стал, предполагая, что весной австрийцы перейдут в наступление, займут монастырь и деньги останутся у него в кармане.

«Я никогда не видал генерала Алексеева в таком гневе, – вспоминал Лодыженский, – Лицо его налилось кровью, он так покраснел, что я боялся, что с ним случится удар».

Генерал крикнул своему секретарю:

– Вызовите ко мне немедленно генерала Ронжина, начальника военных сообщений. Чтобы он явился немедленно!

Ронжин явился через четверть часа. Вытянулся в струнку, стукнув каблуками. Генерал Алексеев стал кричать:

– Я ваших инженеров прикажу перевешать!

Приказал немедленно произвести расследование:

– Доложишь мне о результатах. Можешь идти...

Алексееву не нравилось, что его полномочия ограничены. На каждый шаг нужно испрашивать у императора дозволения. И происходит невероятное – командование армии, генералитет восстали против собственного главнокомандующего! Можно ли говорить о заговоре с целью свержения императора? Заговора, затеянного не революционерами и не агентами кайзера Вильгельма, а генералами русской армии?

Фронтовые неудачи воспринимались в тылу болезненнее, чем в войсках.

«Ходили чудовищные слухи об измене генералов, – вспоминал певец Александр Вертинский, – о гибели безоружных, полуголых солдат, о поставках армии гнилого товара, о взятках интендантов. Страна дрожала как от озноба, сжигаемая внутренним огнем».

Кто-то должен был ответить за всеобщее неудобство, за плохие новости, поступающие каждый день. Начался поиск виновных.

«В обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил, – писал председатель Государственной думы Михаил Родзянко. – Определенно и открыто говорилось, что от этих «темных сил», действующих через Распутина, зависят все назначения как министров, так и должностных лиц... Роковое слово «измена» сначала шепотом, тайно, а потом явно и громко пронеслось над страной».

Жертвой шпиономании стала и российская императрица Александра Федоровна. В разгар войны все вспомнили, что императрица – немка, урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская, прибывшая из Германии.

«Молва все неудачи приписывает государыне, – писала современница. – Волосы дыбом встают: в чем только ее не обвиняют, каждый слой общества со своей точки зрения, но общий, дружный порыв – нелюбовь и недоверие».

Цензура только вредила императорскому дому. Люди исходили из того, что правды в газетах не напишут, и принимали на веру самые невероятные вымыслы. Рассказывали, будто цены растут оттого, что императрица эшелонами отправляет хлеб и сахар своим любимым немцам, а немецких шпионов по приказу императрицы отпускают на свободу.

Невидимые миру слезы

«Мой любимый! – писала последняя русская императрица Александра Федоровна своему единственному мужчине и мужу – императору Николаю II. – Какую глубокую радость

сегодня утром доставило мне твое письмо. От всего сердца благодарю тебя за него. Да, милый, действительно, это расставание было одним из самых тяжелых, но каждый день снова приближает нашу встречу».

Письма императрица нумеровала. Набралось их очень много. Ее ласковые слова – вовсе не заученные формулы, каким обучали барышень, дабы они производили хорошее впечатление, а свидетельство искренних чувств и подлинной страсти. Ее письма – это настоящая история любви.

Николай и Александра – и после рождения пяти детей – не утратили нежных чувств друг к другу. Этот брак точно был заключен на небесах. Его не назовешь династическим в прямом смысле этого слова. Его родители возражали против брака, а он настоял! Николай любил Александру. Судьба последнего российского императора и его несчастной семьи сложилась трагически, но до самой последней минуты его жена была рядом с ним. И не по принуждению, а по желанию. Она всегда мечтала быть со своим любимым: «Твои дорогие письма и телеграммы я положила на твою кровать, так что, когда я ночью просыпаюсь, могу потрогать что-то твое. Только подумайте, как говорит эта замужняя старушка – как выразились бы многие, «старомодно». Но чем бы была жизнь без любви, что бы стало с твоей женушкой без тебя? Ты мой любимый, мое сокровище, радость моего сердца. Чтобы дети не шумели, я с ними играю: они что-то задумывают, а я отгадываю».

Великое герцогство Гессен-Дармштадтское больше не существует. Но в нашей исторической памяти оно осталось по крайней мере потому, что дочь великого герцога вышла замуж за наследника российского престола цесаревича Николая.

Почему ему подобрали невесту-немку? Традиция Романовых. Первым немецкую принцессу сосватал сыну Петр Великий. Гессенская династия – Романовым не чужая. Принцесса Вильгельмина-Луиза вышла замуж за будущего императора Павла I, Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария – за Александра II. Принцесса Елизавета (ее обычно называли Эллой) стала женой великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы.

Цесаревичу Николаю предлагали разных невест – и прусскую принцессу, и французскую. Но, единожды увидев юную девушку, которую в своем кругу называли просто Алике, он влюбился.

В шесть лет девочка осталась без матери и, возможно, оттого так дорожила семьей. Она была наделена твердым характером и не испытывала склонности к компромиссам. Ей, пожалуй, сильно не хватало умения пошутить. Ради брака с наследником российского престола она перешла в православие. Но не сумела столь же легко и непринужденно войти в русское общество. Петербургскому двору и аристократии она решительно не понравилась. Сознавала это: «Я не могу блистать в обществе, я не обладаю ни легкостью, ни остроумием, столь необходимыми для этого. Я люблю духовное содержание жизни, и это притягивает меня с огромной силой».

Но она была преданной женой. Писала уехавшему из Петербурга мужу: «Ночью мне было так одиноко, и каждый раз, когда я просыпалась и протягивала руку, я касалась холодной подушки вместо дорогой теплой руки... Мне было так тяжело видеть, как ты уезжаешь один в это грустное путешествие... У меня сердце болит за тебя, и я знаю, как тяжело тебе будет ночью, – если бы я могла, я полетела бы к тебе, обняла, покрывала поцелуями и говорила тебе о моей великой любви, которая возрастает с каждым днем и наполняет всю мою жизнь».

Повседневная жизнь императора проистекала так же плавно и размеренно, как у его отца, деда, да, пожалуй, и вообще почти у всех Романовых, правивших Россией с тех пор, как в 1613 году Великий земский собор избрал царем и великим князем всея Руси 16-летнего боярина Михаила Федоровича, «ближайшего по крови к угасшему царственному роду Рюрика и Владимира Святого».

Вечерами Николай развлекался игрой в карты или в домино. Императрица под настроение могла что-нибудь спеть. Но все чаще она плохо себя чувствовала. Обедала в одиночестве или с мужем, «одни вместе», как записывали в камер-фурьерском журнале.

«Александра Федоровна страдала невралгией лицевого нерва и воспалением пояснично-крестцового нерва, – пишет знаток медицинской истории Романовых Аркадий Танаков. – По заключению немецких врачей, у Алисы был ишиас (люмбаго) – заболевание, которое проявляется болями в поясничной области при перенапряжении, охлаждении, после неловкого движения. Человек становится беспомощным, так как любое движение усиливает боль. В основе заболевания, как правило, остеохондроз».

Особенно тяжело было выстаивать длительные дворцовые церемонии и церковные службы. Когда становилось неважно, садилась в коляску. Британские родственники прислали ей четырехместный электромобиль, в котором она ездила по парку.

Она страдала от ревматизма. Беспокоило сердце. Врачи полагали, что недуги носят психосоматический характер. Можно предположить, что это симптомы ранних климактерических расстройств – после стольких беременностей. Сознывая свой долг перед короной, она рожала детей, чтобы Россия не осталась без наследника престола.

У нее резко ухудшилось зрение. Ей прописали очки. Она их стеснялась, носила только в кругу семьи. Жаловалась мужу: «Думаю, что глаза слабеют оттого, что я много плачу. И от многих непролитых слез, которые наполняют глаза».

Любой, кто до начала войны оказался бы при дворе российского императора, решил бы, что видит перед собой абсолютно счастливую семью. И ошибся бы...

«Я стоял в коридоре напротив комнаты цесаревича Алексея, откуда донесся стон, – вспоминал швейцарец Пьер Жильяр, преподававший французский язык наследнику престола. – Царица вскочила и побежала к комнате цесаревича. Охваченная паникой, она меня даже не заметила. Через несколько минут царица вернулась. Вновь надела на себя маску счастливой и беззаботной матери. Но я увидел, какой отчаянный взгляд она бросила на императора... И я понял всю трагедию их жизни».

Что же произошло?

«Цесаревич упал, ударившись правым коленом. На следующий день он не смог ходить. Еще через день подкожное кровотечение усилилось, опухоль распространилась на всю ногу... Императрица ухаживала за ним, окружая его нежной заботой и любовью и пытаясь облегчить его страдания. Император навещал сына каждую свободную минуту. Он пытался успокоить и развеселить мальчика, но боль была сильнее, чем ласки матери или рассказы отца, и Алексей вновь начинал жалобно стонать и плакать.

Кровотечение не останавливалось, температура поднималась. Голова цесаревича покоилась на руке матери. Временами он переставал стонать и повторял одно слово: «Мама». В этом слове было выражено все его страдание и отчаяние. Мать целовала его лоб, волосы и глаза, как будто прикосновения ее губ могли облегчить страдания и удержать жизнь, которая покидала его».

Мальчик был неизлечимо болен, и родители знали, что он обречен.

Современники уверились, что император покорился железной воле своей жены, которую он горячо любил и которой был неизменно верен. В реальности все не так. После стольких лет совместной жизни они на многое смотрели одними глазами. В войну жена стала ему опорой. Сложнейшие проблемы вылезли наружу, и выяснилось, что у императорского дома не так много поклонников. Императрица женским и материнским чутьем ощутила не просто враждебность, но и грозящую семье опасность.

«Необходимо всех встряхнуть и показать, как следует думать и поступать, – писала она мужу осенью 1915 года. – Приходится быть лекарством для смущенных умов, подвергающихся действию городских микробов».

Однако же заметим: императрица советовала ему одних людей, а Николай назначал других. Британскому послу Джорджу Бьюкенену император раздраженно сказал:

– Вы, по-видимому, думаете, что я пользуюсь чьими-то советами при выборе моих министров. Вы ошибаетесь: я один их выбираю.

Он не лукавил. «У императора не было личного секретаря, – вспоминал начальник его канцелярии. – Секретарь мог навязывать свои идеи, пытаться влиять на государя. Влиять на человека, который не хотел советоваться ни с кем, кроме своей совести. Даже мысль об этом могла повергнуть Николая II в ужас!»

Но почему страна поверила, что императрица – немецкий агент и влияет на императора в пользу Германии?

Осенью пятнадцатого года в измене обвинили недавнего военного министра Владимира Сухомлинова. Через год обвинение в измене предъявили уже царской семье.

Охранное отделение в ноябре 1916 года докладывало в Министерство внутренних дел: «Слухи заполнили собой обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды... Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах».

С ненавистью заговорили о «темных силах вокруг трона». Людям изменила способность к здравым суждениям.

Поэт Борис Леонидович Пастернак точно написал о предвоенном лете 1914 года: «Это последнее лето, когда любить что бы то ни было на свете было легче и свойственнее, чем ненавидеть». Общество не справилось с испытаниями военных лет и впало в истерику. 22 ноября 1916 года Дума потребовала: «Влияние темных безответственных сил должно быть устранено». Ровно через четыре месяца начнется революция.

Кругом одни шпионы

Телевидение еще не придумали. Радио не играло столь важной роли, как ныне. Сегодня новости смотрят не выходя из дома. В Первую мировую, чтобы познакомиться с выпуском новостей, шли в кинотеатры. Благодаря кинодокументалистам люди впервые увидели тех, о ком прежде только читали в газетах: сильных мира сего – монархов, политиков и генералов.

Когда в кинотеатрах демонстрировали фронтовую хронику, вспоминал депутат Думы Василий Витальевич Шульгин, и император возлагал на себя Георгиевский крест, неизменно звучала язвительная реплика:

– Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием.

Александра Федоровна была преданной женой и замечательной матерью. Николай II – идеальным мужем и любящим отцом. Они должны были прожить жизнь вместе – в счастье и любви, окруженные детьми, внуками, а может, и правнуками. Но им была уготована иная судьба. И вот главный вопрос: почему Александру Федоровну так возненавидели, что она стала последней русской императрицей?

В народном представлении царь повенчан с Россией, то есть личной жизни у него быть не должно. И общество возненавидело его жену, любовь к которой он скрывать не хотел. В чем только не обвиняли императрицу! В том, что у нее роман с Григорием Распутиным. Что Александра Федоровна вознамерилась сама править Россией. И будто бы Петр (Жамсаран) Бадмаев, врач тибетской медицины, по заказу царицы пытался отравить императора. Чтобы она повторила путь другой немецкой принцессы, которая стала Екатериной II, когда задушили ее мужа императора Петра III.

Все эти небылицы изо дня в день повторяли самые разные люди! Происходило унижение и разрушение власти.

Война породила всеобщее недовольство. Все искали виновных. Первой жертвой стали обрусевшие немцы, давно обосновавшиеся в России. Понятие «пятая колонна» еще не появилось, но русских немцев подозревали в тайной работе на Германию. В войсках возненавидели офицеров с немецкими фамилиями. Хотя это были патриоты России, проливавшие за нее кровь, часто ни слова не знавшие по-немецки.

В конце мая 1915 года в Москве начались немецкие погромы – на фоне отступления русской армии от Перемышля. Громили фабрики и магазины, принадлежавшие немцам. Разгромили аптеку Ферейна на Никольской улице, нашли в подвале спирт и распили. Разграбили водочную фабрику Шустера. Националисты требовали отобрать землю у немецких колонистов – порадовать крестьян, а заодно избавиться от умелых конкурентов.

Как появились немцы в России?

Императрица Екатерина II, которая появилась на свет принцессой Ангальт-Цербст-Домбургской – в гарнизонном городе Штеттине, задалась идеей реформирования России. Воспользовалась методами Петра I – зазывала специалистов из Европы. 4 декабря 1762 года подписала манифест о позволении иностранцам селиться в России. А через полгода, 22 июля 1763 года, еще один – «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» – с перечислением дарованных им льгот: освобождение от воинской службы и уплаты налогов. Она приглашала колонистов – и наделяла их землей на юге страны, а также строителей, металлургов, врачей, математиков – словом, всех, кого удалось заманить. Искала и сыроваров: «Нигде в России почти не выделяют сыров».

Поехали в основном протестанты, которым в те времена несладко жилось среди католиков. Они селились на юге и в Поволжье. К середине XIX века число русских немцев составило полмиллиона. Они внесли свой вклад в развитие русской науки и промышленности. И пали жертвой анти-немецких настроений в Первую мировую.

Прадед любимой зрителями артистки Татьяны Пельтцер в 1821 году пешком пришел в Россию из Рейнской области. В Москве нашел работу на текстильной фабрике. Преуспел, стал владельцем тонкосуконной фабрики «Нарвская суконная мануфактура», которая снабжала русскую армию. Из его сукна шили офицерские мундиры. Дети наследовали отцовскую профессию, а внук Иван (Иоганн) Романович Пельтцер пошел в актеры. При советской власти стал заслуженным артистом республики. Его дочь Татьяна Пельтцер была удостоена звания народной артистки СССР первой среди артистов Театра сатиры...

В разгар Первой мировой царское правительство образовало Особый комитет по борьбе с немецким засильем. С перепугу видные политики меняли немецкие фамилии на русские. Обер-прокурор Святейшего синода Владимир Карлович Саблер стал Десятовским. Недавний московский градоначальник Анатолий Рейнбот – Резвым. Борьба с «немецким засильем» воспитала привычку искать внутреннего врага.

Шпионов искали в высшем обществе. Вспомнили, что императрица – немка. В глазах солдат она совершила двойной грех – изменила и стране, и мужу. Скабрезные разговоры о тобольском крестьянине Григории Распутине, который будто бы проник в спальню Александры Федоровны, солдаты приняли очень лично.

Именно тогда в массовом сознании и сложилась эта картина: императрица – немецкая шпионка и распутная жена, а царь – слабый и безвольный, неспособный управлять страной... Умопомрачение? Люди искали объяснения обрушившимся на них несчастьям. И самое фантастическое объяснение казалось самым реальным.

Уверенно говорили, что императрице немецкая кровь дороже русской! Императрица – немецкий агент!.. Александру Федоровну называли главной причиной всех неудач на фронте. Жена председателя Государственной думы рассказывала, что императрица лично приказывает командирам воинских частей не трогать немецких шпионов. Эти настроения охватили гене-

ралитет, считавшийся опорой монархии! Не понимали, что слухи о немецком заговоре подрывают боевой дух вооруженных сил.

Один из генералов записал в дневнике: «Есть слух, будто из Царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда, – ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство».

Речь, полную ненависти к императрице, произнес Владимир Пуришкевич, лидер крайне правых в Думе, один из основателей Союза русского народа и Союза Михаила Архангела. Пуришкевич обвинил правительство в «германофильстве» и назвал Распутина «руководителем русской политики».

«Пуришкевич – человек не совсем нормальный, – констатировал директор Департамента полиции. – Вот единственное объяснение того, что убежденнейший монархист взошел на думскую трибуну, чтобы яростно напасть на царицу».

– Императрица Александра Федоровна, – возмущался Пуришкевич, – это злой гений России и царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения. Боже мой! Что застилает глаза государя? Что не дает ему видеть творящееся вокруг? Неужели государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит его и Россию?

Речи депутата Пуришкевича казались демонстративным шутовством. В реальности он зарабатывал себе политический капитал, транслируя самые безумные заблуждения толпы. Да и сам он думал столь же примитивно. Пуришкевичу принадлежит выражение «Темные силы вокруг трона».

Народный артист России Григорий Маркович Ярон вспоминал свою актерскую юность в предреволюционные годы: «Обязательным комическим персонажем в обозрениях тех лет был член Государственной думы, известный черносотенец Пуришкевич, которого за несдержанность и непозволительные выражения часто исключали из Государственной думы на десять – пятнадцать заседаний. В каком только виде не показывали Пуришкевича в обозрениях! Я играл Пуришкевича в портретном гриме: с конусообразным лысым черепом, в пенсне. Меня вывозили на сцену в детской колясочке, в чепчике, с соской во рту. Потом, когда нянька уходила, я вылезал, произносил какую-то нелепую и смешную речь, в исступлении хватал графин со стола и кидал его в публику. Первые два ряда зрителей шарахались в сторону. Но это был старый цирковой трюк: графин был сделан из папье-маше, привязан к резиновому шнуру и летел обратно. Выбегали «доктор» и «санитары», надевали на меня смирительную рубашку. Доктор говорил: «Посадите его в сумасшедший дом на пятнадцать заседаний».

Великие князья требовали от императора избавиться от жены. Великий князь Николай Михайлович обратился за помощью к матери Николая II: «Нужно постараться обезвредить Александру Федоровну. Во что бы то ни стало надо отправить ее как можно дальше – или в санаторий, или в монастырь. Речь идет о спасении трона – не династии, которая пока прочна, но царствования нынешнего государя. Иначе будет поздно».

Самые близкие родственники плохо знали императора. Николай II был готов расстаться с тронном, но не с любимой женой. Но почему император не отвечал на нападки? Во-первых, он был занят делом, которое считал более важным: войной. Во-вторых, считал ниже своего достоинства отвечать на оскорбления личного свойства. Не на дуэли же ему с ними драться...

Наверное, монархии следовало вести себя крайне осторожно и сдержанно. Александра Федоровна же с годами становилась неуправляемой. Сказалось самоощущение жены самодержца. Императрица хотела помочь мужу, а со стороны это выглядело как попытка присвоить власть.

«Мой родной, милый, – писала Александра Федоровна мужу. – Как бы мне хотелось пережить снова счастливые, тихие минуты, подобные тем, когда мы были одни с нашей дивной

любовью, когда каждый день приносил все новые откровения! Те милые слова в письмах, которые ты, глупый мальчик, стыдишься произносить иначе, как в темноте, наполняют мое сердце тихим счастьем и заставляют меня чувствовать себя моложе. И те немногие ночи, которые мы теперь проводим вместе, все тихи и полны нежной любви...

Мне так хотелось бы облегчить твои тяготы, помочь нести их, прижаться к тебе, мне хочется крепко обнять тебя и положить твою усталую голову на мою старую грудь. Мы так много вместе пережили и постоянно без слов понимали друг друга. Храбрый мой мальчик, да поможет тебе Бог, да дарует Он тебе силу, мудрость, отраду и успех! Спи хорошо, святые ангелы и молитвы женошки твоей охраняют твой сон».

Кроме ненавидимой обществом императрицы, иных стражей у монарха и монархии уже не осталось.

«19 января 1917 года, – писал в изданных в эмиграции мемуарах бывший глава правительства Владимир Николаевич

Коковцов, – я приехал в Царское Село и видел государя в последний раз. Он стал просто неузнаваем: лицо страшно исхудало и осунулось. Глаза выцвели и беспомощно передвигались с предмета на предмет. Странная улыбка, какая-то болезненная, не сходила с его лица. Он несколько раз сказал мне:

– Я совсем здоров и бодр. Может быть, неважно спал в эту ночь.

У меня осталось убеждение, что государь тяжело болен и что болезнь его именно нервного, если даже не чисто душевного, свойства... Я думаю, что государь едва ли ясно понимал, что происходило кругом него».

Наверное, на эти воспоминания легло знание грядущей трагической судьбы российского императора. Позже уже станут говорить, что Николай II в те дни находился под воздействием наркотиков. То же скажут и об Александре Федоровиче Керенском, главе Временного правительства, когда и его власть начнет рушиться.

Февраль. Военный переворот

Не война и не голод, а личные амбиции, страсть к власти и невероятная самоуверенность политиков разрушили империю.

Глупость или измена?

Семнадцатый год в столице, вспоминала свояченица Сталина Анна Аллилуева, начался беспокойными днями. Окраины волновались, становились все более дерзкой, не боялись полиции.

– Дети голодают, мужья умирают на фронте! – возмущались женщины. – За что? Чтобы царь с царицей пьянствовали с прихлебателями! Это немка... это Алиса погубила Россию. Перебить их всех!

В окна магазинов летели камни.

– Чертовы спекулянты! Погодите, вам покажут, как обирать народ!

Охранное отделение 5 февраля 1917 года докладывало министру внутренних дел: «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать».

Первая мировая война перевела продовольственный вопрос в разряд политических. Во всех воюющих странах еды не хватало. Особенно в Германии и Австро-Венгрии. От голода погибло около 600 тысяч немцев и австрийцев. А в России даже карточек не вводили.

В русской армии до войны мясной паек составлял один фунт (400 граммов), с началом войны его увеличили до полутора (600 граммов). Утвердили требования к мясу, которым можно кормить армию: «Мясо должно быть вполне доброкачественное, свежее, от здорового, хорошо упитанного скота. На ощупь хорошее мясо – упругое, в отличие от дурного мяса, мокрого и дряблого. Запах – приятный мясной, слегка ароматный». В феврале 1915 года Совет министров разрешил заменять говядину свининой и бараниной, рекомендовал шире использовать соленую, сушеную и вяленую рыбу, а также яйца. Как отмечали экономисты, «миллионы людей, которые до войны не ели мяса или ели очень редко, стали его теперь получать как необходимый продукт ежедневного питания».

Накануне революции, 14 декабря 1916 года, Ставка уточнила: «При замене мяса колбасой, сосисками, салом или соленой рыбой, сушеной и вяленой рыбой все эти продукты выдавать в равном с мясом весе, а копченую колбасу и копченое мясо по семьдесят два золотника за фунт» (то есть не 400 граммов, а 300).

Продовольствия стране хватало. Проблемы возникли с доставкой. В западной части России железные дороги перешли под управление военных властей. У них были свои приоритеты – прежде всего фронт должен получать оружие и боеприпасы. В результате в начале 1917 года сократился подвоз хлеба и топлива для столицы. И Петроград вспыхнул!

В Великую Отечественную карточки ввели сразу. Колхозы и совхозы не могли накормить страну. Еды не хватало. Подолгу стояли в очередях... А тут магазины полны. Рыночная экономика обеспечивала Россию всем необходимым. Но едва появился намек на нехватку – возмутились: до чего довело проклятое правительство!

В Первую мировую не возникло ощущение смертельной схватки: проиграем войну – потеряем все! С лета 1914 и до осени 1917 года мобилизовали 15 миллионов человек. Из них 13 миллионов, то есть подавляющее большинство, были крестьянами. Они едва ли могли найти на карте Сербию, из-за которой вспыхнула мировая война, и просто не понимали, за что их отправили умирать.

Подвоз продовольствия скоро бы возобновился в полном объеме. Но волнения в Петрограде стали желанным поводом для давно подготовляемой атаки на императорскую власть.

1 ноября 1916 года в Государственной думе речь держал лидер фракции Конституционно-демократической партии Павел Николаевич Милюков. Он обвинил власть в намерении заключить сепаратный мир с Германией. С парламентской трибуны главу правительства он назвал изменником и взяточником, а императрицу объявил предательницей.

Каждый пункт обвинений он заканчивал словами: «Что это – глупость или измена?» Эта фраза словно била молотом по голове. Милюков с удовлетворением отметил реакцию зала: «Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где я не был в нем вполне уверен».

В 1915 году Милюков написал две статьи – «Нейтрализация» Дарданелл и Босфора» и «Территориальные приобретения России». Изложил в них цели России в мировой войне: присоединение к империи русского населения Галиции и Угорской Руси (она с IX века входила в состав Венгрии), объединение всех польских земель в рамках империи и объединение под российским протекторатом армянских земель, приобретение Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы.

Несколько месяцев Милюков провел за границей. Выяснял, правда ли, что русское правительство ведет переговоры о сепаратном мире с Германией. Информацию получал от журналистов и русской эмиграции. Не очень достоверную.

Еще 5 сентября 1914 года союзники подписали в Лондоне декларацию: «Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны». Петроград хранил верность союзническим обязательствам и отвергал любой зондаж немецких дипломатов.

В Берлине Россию считали слабым звеном, поэтому предложение о сепаратном мире было сделано именно Петрограду. Датский король Христиан X предлагал Николаю посредничество в мирных переговорах. Последовал отказ.

Понимал ли Милюков, что он клеветает?

«В истории бывают моменты, когда личность служит ее орудием. И я послужил орудием истории в этом случае, – вспоминал Павел Николаевич. – Я думал в тот момент, что раз революция стала неизбежна – а я считал ее уже неизбежной, – то надо попытаться взять ее в свои руки». Решил идти до конца: «Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо наступил «решительный час».

Он-то ничем не рисковал. В царской России даже в военное время депутат Думы мог говорить все, что считал нужным. А вот страна рухнула... Это была продуманная атака на правительство с дальней целью – взять власть в свои руки. Впору говорить об информационной войне и информационных киллерах.

Милюков был страшно доволен своей речью и реакцией на нее публики, говорил товарищам:

– Страна готова признать в вас своих вождей и идти за вами, потому что она хочет идти, а не стоять на месте.

Известный адвокат, занимавшийся политическими делами, Петр Иванович Корженевский задавался вопросом: «Есть слова, которые обязывают к действиям. Ведь с трибуны парламента императрица объявлена изменницей народу, предательницей России. Но прошло несколько дней, и ничего не последовало».

10 ноября 1916 года правительство возглавил генерал Александр Федорович Трепов. Он был членом Государственного совета, министром путей сообщения. Его отец Федор Федорович Трепов был петербургским градоначальником. Брат Дмитрий Федорович, петербургский генерал-губернатор, заместитель министра внутренних дел и начальник Департамента полиции, участвовал в подавлении первой русской революции.

Став премьер-министром, Александр Трепов 19 ноября пришел к депутатам. Предложил Думе сотрудничать в трудные военные годы:

– Забудем споры, отложим распри, посвятим все время положительной работе.

Правительство строило вполне разумные планы. Но отклика не находило. Власть искала компромисса, а в Думе решили: струсили! Жгучая ненависть к правительству объединила даже политических противников. Депутаты не желали разговаривать с министрами.

Заместитель председателя Думы граф Владимир Алексеевич Бобринский, монархист и националист, возмущался:

– Неужели же у министров хватит наглости, чтобы явиться сюда?

Ему вторил депутат Василий Алексеевич Маклаков, один из лучших адвокатов России, член ЦК кадетской партии:

– Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна.

Федор Измайлович Родичев, депутат всех четырех Дум, дворянин и землевладелец:

– В России нет ни одного течения, ни одного направления, которое может поддержать это жалкое, ничтожное правительство.

Еще один заместитель председателя Думы Николай Виссарионович Некрасов:

– В бурю и хаос мы должны создать новое правительство, которое немедленно могло бы успокоить страну и приступить к громадной творческой работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.